

доступа: <http://www.tambovdem.ru/theses.php?id=gender1.pushkareva>.
Доступ – 10.03.2010 г.

17. Ревель Ж. История ментальностей: опыт обзора / Ж. Ревель // Споры о главном. – М., 1993
18. Таран Л. Историческая мысль Франции и России 70-е годы XIX – 40-е годы XX вв / Л. Таран. – К., 1994.
19. Февр Л. Бои за историю / Л. Февр. – М., 1991.
20. Шартье Р. Одна четверть свободы, три четверти детерминизма / Р. Шартье // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». – М., 1993.

Реалии и перспективы истории повседневности в российской историографии*

Ильясова А. В.

Ильясова А. В. Реалії та перспективи історії повсякденності в російській історіографії. У статті піднімається проблема застосування російськими істориками запозиченого у німецьких дослідників підходу до історичного дослідження, що отримав назву «історія повсякденності». У роботі аналізується сучасний стан російської історіографії повсякденності і робляться висновки про перспективність розвитку даної концепції стосовно російської джерельної бази.

Ключові слова: історія повсякденності, російська історіографія, побут.

Ильясова А. В. Реалии и перспективы истории повседневности в российской историографии. В статье поднимается проблема применения российскими историками заимствованного у немецких исследователей подхода к историческому исследованию, получившего название «история повседневности». В работе анализируется современное состояние российской историографии повседневности и делаются выводы о перспективности развития данной концепции применительно к российской источниковой базе.

Ключевые слова: история повседневности, российская историография, быт.

Ilyasova A. V. The Reality and Perspectives of the History of Everydaylife in Russian Historiography. The paper by A. Ilyasova highlights the problem of application of the approach, called “the history of everydaylife”, adopted from german historiography by russian historians. The article gives an analysis of the modern state of russian everydaylife-historiography and suggests conclusions to the point of everydaylife-history development perspectives in case of applying of this conception to russian sourcial base.

The keywords: the history of everydaylife, russian historiography, mode of life.

На протяжении XX века мировая историческая наука претерпевала динамичные изменения: череда научных поворотов и обращение к междисциплинарности стали своеобразными точками роста для целого ряда новых подходов к историческому исследованию, что дало возможность научному сообществу более рельефно рассмотреть многие события прошлого.

В конце XX – начале XXI веков российская историческая наука предпринимает попытки усвоить тот пласт научных знаний, которыми оперируют зарубежные исследователи, и применить его в своих работах. Одним из таких подходов стала «история повседневности» (Alltagsgeschichte), разработанная в трудах немецких исследователей в 70-80-е гг. XX века. В этой связи одна за другой выходят в свет работы, представляющие собой попытки применить концепцию «история повседневности» в исследованиях отечественной истории [1], в периферийных центрах создаются тематические сборники трудов, основанных на изучении истории повседневности, в России, Белоруссии и Украине организуются конференции по проблемам теории и методологии истории повседневности [2].

Исследования, впервые закрепившие «историю повседневности» в качестве самостоятельной концепции представляют собой методологические поиски теоретиков Alltagsgeschichte. Это работы Альфа Людтке, ряд теоретических исследований которого посвящены описанию основных методов и приемов «истории повседневности» [3]. Работы Ханса Медика, в свою очередь, теоретизируют соотношение подходов микроистории и истории повседневности [4]. Еще одним из пионеров-теоретиков этого подхода является Ю. Кучинский, призывавший изучать историю рабочего движения через познание не только повседневной жизни рабочих, но и через призму их обыденного сознания [5]. Луц Нитхаммер теоретически обосновал продуктивность применения при исследовании повседневности такого вида источников, как устная история [6].

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы по направлению «Исторические науки». Мероприятие 1.2.2. Проект: «Переломные периоды в развитии русской историографии XVI–XXI вв. глазами молодых исследователей»

О том, что такое история повседневности (Alltagsgeschichte) и зачем она нужна, с начала 80-х годов велись горячие дебаты не только среди германских историков. По словам одного из теоретиков этого направления Альфа Людтке, в конце 1990-х годов увеличилось число так или иначе связанных с «повседневной жизнью в истории» статей, книг, иллюстративных томов в глянцевых обложках, фильмов и циклов телепередач, т.е. такой продукции, которая всегда привлекает внимание и пользуется в Германии хорошим спросом [7]. В ходе обсуждения возможностей нового направления отмечалось возвращение на историческую сцену индивидуума. Оно рассматривалось прежде всего, как результат радикального поворота от изучения социума к «истории в лицах». В центр внимания, по общему признанию, был поставлен субъективный опыт отдельной личности, ее восприятие и интерпретации окружающего мира, а также ее поведение в этом мире. Явное смещение акцентов к обыденной жизни маленького человека было обозначено как результат разочарования позитивистским модернизмом. Предложенные им интерпретации убеждали в том, что структуры не только определяют мысли людей и ограничивают рамки их поступков, но и что люди могут (и должны) иметь собственную стратегию поведения.

В центре внимания истории повседневности – реальность в интерпретации ее непосредственных участников, при чем акцентируются именно те аспекты повседневной рутины, которые представляют собой актуальное, значимое событие или явление по мнению повествователя. Такие события могут относиться к различным сферам жизни, а участниками этих событий могут выступать люди различных социальных слоев. В первую очередь исследователей интересует эмоциональная реакция, отношение конкретных персонажей к описываемым явлениям.

Для России это направление приобрело особую актуальность, т.к. изучение повседневности вводит в проблемное поле науки культурно-исторические явления, которые ранее не входили в круг исследовательских интересов российских историков. Очень долгое время отечественная наука не учитывала этот аспект, уделяя основное внимание материальным или духовным ценностям.

Одним из наиболее многочисленных по составу течений российской историографии, возникшим как незамедлительная реакция на усвоение нового подхода, стало обращение интереса большой части научного сообщества к описанию подробностей быта и обычаев прошлых времен, что обнажило проблему проведения границы между «историей повседневности» и «бытописанием». Главное отличие между традиционными исследованиями быта и изучением истории повседневности лежит в понимании значимости событийного, подвижного, изменчивого времени, случайных явлений, влиявших на

частную жизнь и изменявших ее. Именно в тривиальной обычности жизни витают мысли и чувства, зреют замыслы, ситуации, рождающие экспериментирование. Историка повседневности интересует, как это происходит. Этнограф воссоздает быт, а историк повседневности анализирует эмоциональные реакции, переживания отдельных людей в связи с тем, что его в быту окружает. Он ищет ответ на вопрос, как случайное становится вначале «исключительным нормальным», а затем и распространенным. В центре внимания историка повседневности не просто быт, но жизненные проблемы и их осмысление теми, кто жил до нас. Поэтому история повседневности в изучении ментальных макро-процессов есть форма историзации коллективного бессознательного в большей степени, нежели этнографическая история конкретно-бытовых навыков и правил. Каковы механизмы возникновения новаций в укорененных и привычных структурах, что заставляет сближаться новые и традиционные формы и нормы социального действия, почему одни из них устойчивее других – это тоже круг вопросов историков повседневности [8]. Они не только и не столько претендуют на интерпретацию малых единиц как таковых, они скорее надеются выявить в них или перепроверить те или иные абстрактные понятия и теории. Целью подобного сокращения масштаба исследования является поэтому желание ученых опуститься с макроуровня в те глубины, где структуры находят свою реальную конкретизацию или как раз не находят ее. Именно здесь, на их взгляд, можно увидеть подводные течения макроисторических процессов, а именно неодновременность их на разных уровнях, сопротивление им или же полное неприятие их хода. Здесь проявляются также отступления от правил, моменты инертности, отсутствие подобия различных систем и т.д.

В быстро нарастающем потоке исследований российских историков, работающих в рамках этого направления, появляется не только научная, но и популярно-публицистическая литература с описанием «нравов Средневековья», «моды Франции времен Людовика», «викторианской Англии», «императорской России» [9]. «Занимательное чтение по истории», которое составляло значительный пласт литературы XIX века, делает попытки возродиться как побочный продукт «истории повседневности». Однако, авторы данного направления ошибочно называют свои описательные модели исследованиями в рамках концепции «истории повседневности» в ее каноническом немецком варианте.

В связи с возникновением подобных разночтений, в современной исторической науке развилась самостоятельная дискуссия по вопросу соотношения и содержания понятий «быт» и «повседневность». Понятие «быт», встречавшееся в российских работах, как в прошлом, так и в настоящее время, является по сути синонимом понятия «повседневность». Понимание быта, повседневности претерпело

эволюцию – от учета ее внешне-событийных и предметных проявлений к синтезу мыслительных и материальных структур повседневности. Именно такой синтез позволяет увидеть за внешне-предметными и событийными проявлениями повседневности внутренние, знаковые и символические смыслы, постичь повседневность как часть культуры.

В отличие от бытописателей XIX в. [10] в работах современных ученых наметилась тенденция рассматривать быт, повседневную жизнь не изолированно, не как сферу, оторванную от больших исторических событий, политики, научного и технического прогресса, но как область, в которой проявляются, преломляются магистральные исторические процессы и которая, в свою очередь, оказывает влияние на ход истории. Появление темы повседневности в исторических исследованиях связано с утверждением нового понимания истории, согласно которому ее ход определяется не только политическими событиями, экономическими законами, выдающимися личностями, но и неприметным ходом обыденных дел, «жизнью незамечательных людей» [11].

Предметная область повседневности охватывает в большей мере непроизводственную, потребительскую сферу, сферу досуга, чем производственную (насколько они могут быть отделены друг от друга до промышленной революции XIX в.), в большей мере сферу частной жизни, чем жизни общественной (насколько эти сферы могут быть обособлены в рамках прошлых эпох). Тем не менее, в рамках данной дискуссии существуют мнения, высказываемые, в частности, исследователем В. Д. Лелеко, согласно которым различия между содержанием понятий «быт» и «повседневность» настолько незначительны, что их можно отождествлять [12]. Результатом такого отождествления становится тот факт, что в проблемное поле «истории повседневности» вписываются и бытописание, характерное для XIX века, и краеведение, что размывает границы данного подхода, также как и его предмет и исследовательские методы.

Столь широкое внимание российского исследовательского сообщества к «истории повседневности» может объяснить и тот факт, что наибольшее значение для социальной истории имеют такие группы источников, которые отражают непосредственные взаимоотношения людей с государственными и общественными институтами, что позволяет задействовать в своих исследованиях тот огромный пласт документов, ранее считавшихся наиболее субъективными и недостоверными. Среди них письма, обращения, жалобы, личные и персональные дела, судебные материалы и прочие документы особого типа, служащие источниками для построения коллективных биографий (просопографий). Для советского периода особое значение приобретают сводки и донесения о настроениях в обществе, периодически составлявшиеся различными политическими

органами, материалы проверок, чисток, контрольных комиссий и т.д., свидетельствующие о действительном, а не мнимом состоянии общества, каким его видела или хотела бы видеть власть.

Обращение российских историков к исследованию отечественных сюжетов Нового времени начинается лишь с XVII–XVIII веков, но основываются такие работы в основном на делопроизводственных и судопроизводственных материалах [13]. В отношении исследования более поздних времен, количество работ, использующих концепцию «история повседневности», возрастает в связи с тем, что расширяется источниковая база, позволяющая применять этот подход: увеличиваются тиражи периодической печати, появляются источники личного происхождения – письма, дневники, растет количество донесений полиции [14]. Выделяется группа ученых, обращающих внимание на женскую повседневность [15]. При этом существует определенный диапазон взглядов на повседневность, поскольку многие позиции еще находятся в стадии дискуссий.

Стремление в рамках предложенного подхода к пространственной локализации провоцирует появления большого числа конференций и выхода сборников статей, посвященных истории повседневности различных городов России. Активизируются местные исторические сообщества [16].

Таким образом, вслед за немецкой, российская историография со всей серьезностью подошла к изучению опыта микроистории. «История повседневности», как особый подход в процессе исторического познания, оказался востребованным российскими исследователями, однако сегодня не реализуется в полной мере. Этому препятствует ряд факторов, таких как усиление внимания к бытоописательной составляющей истории повседневности в ущерб анализу социально-психологических компонентов. Некоторые российские исследователи предлагают свое понимание понятия «повседневность», не следуя полностью за зарубежными теоретиками этого направления, однако, в некоторых случаях, в процессе такого переосмысления, из содержания данного понятия выпадают такие важные элементы категории повседневности, как обыденное сознание, отношение людей к происходящим вокруг них событиям, понимание ими тех или иных реалий ежедневных практик. В ряде случаев, наряду с полным пониманием исследователями теоретического содержания концепции «история повседневности», при переходе к конкретно-историческому исследованию, авторы остаются на структуралистской позиции, изменяя лишь масштаб исследования – анализу подвергаются структуры и социальные формы более локальной общественной группы или территории, при этом отсутствует преследуемая родоначальниками подхода история повседневных переживаний «маленького человека».

Что же касается перспективности данного направления, то, по мнению многих историков и критиков истории повседневности, этот подход, безусловно, внес новые импульсы как в немецкую и общемировую, так и в российскую историческую науку, заставив обратиться к новым темам и проблемам. Он также позволил более рельефно рассмотреть ранее описанные явления и сюжеты. Относительно перспективности применения методов истории повседневности к российскому материалу, можно отметить, что данный подход значительно расширяет проблемное поле историков, обращает внимание исторического сообщества на проблему пересмотра прежде заявленных концепций, позволяет по-новому взглянуть на ранее изученные исторически источники.

Неугасающий уже на протяжении двух десятилетий интерес российских историков к работе в рамках этого направления и появление новых приверженцев данного подхода также подчеркивает перспективность и возможность развития истории повседневности в контексте российской исторической науки.

Примечания

1. См.: *Каменский А. Б.* История повседневности русского города: постановка проблемы / А. Б. Каменский // *Повседневность российской провинции: история, язык и пространство: Материалы 3-й всероссийской летней школы «Провинциальная культура России: подходы и методы изучения истории повседневности»*. – Казань, 2002; *Доценко А. М.* История повседневности советского города в отечественной и зарубежной историографии / А. М. Доценко // *Аспирантский вестник Поволжья*. – 2005. – № 1 (9).
2. *Гісторыя, якой няма ў падручніках: Матэрыялы навук.-практ. Канф.; Мінск, 27 крас. 2002 г.* – Мн., 2002; *Эпоха. Культуры. Люди: (история повседневности и культурная история Германии и Советского Союза. 1920–1950-е годы)*. – Харьков, 2004; *Проблема повседневности в гуманитарной науке* // Воронеж. гос. ун-т: Материалы заочной интернет-конференции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.vspu.ac.ru/text/povsednevnost.
3. *Lüdtke A.* Alltagsgeschichte, Mikro-Historie, historische Anthropologie / A. Lüdtke // *Hans-Göertz (Hg.): Geschichte. Ein Grundkurs*. – Reinbek bei Hamburg, 1998; *Lüdtke A.* Alltagsgeschichte. Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen / A. Lüdtke. – Frankfurt; New York, 1989.
4. *Medick H.* Quo vadis Historische Anthropologie? Geschichtsforschung zwischen Historischer Kulturswissenschaft und Mikro-Historie / H. Medick // *Historische Anthropologie*. – 2001. – № 9.

5. *Kuczynski Y.* Über einige Probleme des historischen Materialismus, dargestellt vornehmlich an Beispielen aus der deutschen Geschichte / Y. Kuczynski. – B., 1976.
6. *Nithammer L.* Lebenserfahrung und kollektives Gedächtnis: die Praxis der “oral history” / L. Nithammer. – Frankfurt, 1985; *Nithammer L.* Fragen – Antworten – Fragen. Methodische Erfahrungen und Erwägungen zur Oral History / L. Nithammer // “Wir kriegen jetzt andere Zeiten”. Auf der Suche nach der Erfahrung des Volkes in nachfaschistischen Ländern. – Berlin; Bonn, 1985.
7. См.: *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии / А. Людтке // *Социальная история. Ежегодник, 1998/99*. – М., 1999.
8. См.: *Пушкарева Н. Л.* История повседневности и частной жизни глазами историка // *Социальная история*. – 2003. – М., 2003.
9. См., например, *Вострышев М. И.* Частная жизнь москвичей из века в век / М. И. Вострышев. – М., 2007; *Фукс Э.* История нравов. – Смоленск, 2007.
10. *Терещенко А.* Быт русского народа / А. Терещенко. – СПб., 1848. – Ч. I–V; *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях / Н. И. Костомаров. – М., 1992; *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях / И. Е. Забелин. – М., 1990. – Кн. 1; *Ешевский С. В.* Женщина в средние века в Западной Европе / С. В. Ешевский. – М., 1870.
11. См.: *Лотман Ю. М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века / Ю. М. Лотман // *Избранные статьи: В 3 т.* – Таллин, 1992. – Т. 1.
12. *Лелеко В. Д.* Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. – СПб., 2002.
13. *Емелина М. А.* Делопроизводство Коллегии иностранных дел в 1740-х годах / М. А. Емелина // *История повседневности*. – СПб., 2003; *Раев Д. В.* Выдача винного жалования в городах Западной Сибири второй половины XVII – начала XVIII в. / Д. В. Раев // *История повседневности*. – СПб., 2004. – Вып. 2.
14. *Сучугова Н. Ю.* Будни дипломатического корпуса в России в начале XIX в. (На материалах посланника США в Санкт-Петербурге Д. К. Адамса (1809–1814 гг.)) / Н. Ю. Сучугова // *История российской повседневности*. – СПб., 2002; *Акабаев С. М.* Повседневная жизнь карачаевцев в XIX в. и ее отражение в адатах / С. М. Акабаев // *Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения*. – Ставрополь, 1999.
15. *Зоткина Н. А.* Заложницы эроса. Причины и факторы роста феномена проституции в российской повседневности на рубеже

- XIX–XX вв. / Н. А. Зоткина // Исторические записки: межвузовский сборник научных трудов. – Пенза, 2000.; Журавлева Н. Н. Повседневная жизнь женской школы Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. / Н. Н. Журавлева // История повседневности. – СПб., 2004. – Вып. 2; Женская повседневность в России в XVIII–XX вв.: Материалы международной научной конференции. 25 сентября 2003 года. – Тамбов, 2003.
16. См.: Городская повседневность в России и на Западе: межвузовский сборник научных трудов. – Саратов, 2006; Саранск: идеалы и повседневность городской культуры: материалы IV Воронинских научных чтений. – Саранск, 2007; Повседневность российской провинции: история, язык и пространство: Материалы 3-й Всероссийской летней школы «Провинциальная культура России: подходы и методы изучения истории повседневности». Июнь-июль 2002 г. – Казань, 2002.